

Помимо некоторых телесных деталей, он унаследовал свою прежнюю оболочку идеально.

Цзи Саньмэй лишь в первый миг, увидев Чанъаня, слегка удивился, а теперь смотрел уже без всякого удивления.

Если бы сейчас его спросили, что он думает об этой внешности, Цзи Саньмэй сказал бы, что в прошлой жизни он был чертовски хорош собой.

Впрочем, Цзи Саньмэй не испытывал ни особой зависти, ни сожаления — в этой жизни он тоже выглядел отлично.

Он внимательно изучал своё лицо в медном зеркале, на поверхности воды и в глазах Шэнь Фаши и в итоге пришёл к выводу: красиво. Хочется пригреть.

Цзи Саньмэй, родившись дважды подряд с привлекательной внешностью, прекрасно понимал всю её важность и умело пользовался этим, чтобы одерживать верх.

Однако Чанъань, который даже при чистке лотоса смотрел на него с выражением «вау, младший брат, как круто!», вызывал у Цзи Саньмэя лёгкое раздражение.

Этот ребёнок был словно страж, день за днём бдительно охраняющий ключи от сокровищницы, но ни разу не попытавшийся ими воспользоваться.

Пока Цзи Саньмэй размышлял, как бы объяснить Чанъаню практическую ценность его лица, появилась Лун Юнь.

Девочка с неубранными волосами — тёмные пряди до плеч мягко ниспадали на спину, источая лёгкий аромат помело, — вбежала в беседку и сразу же спросила, где Шэнь Фаши.

Цзи Саньмэй уже собирался сказать, что его нет, но Чанъань честно ответил:

— Учитель за той большой ивой.

Лун Юнь, полная надежды, подхватила подол платья и засемила к дереву, но почти сразу вернулась с разочарованным видом:

— Ты соврал.

Чанъань был непоколебимо искренен:

— Учитель здесь. Он вышел вместе с нами из дома Сюй и с тех пор не уходил.

Лун Юнь сердито сверкнула глазами:

— Но за деревом его нет!

Чанъань с невозмутимо серьёзным лицом пояснил:

— Ты его спугнула.

Цзи Саньмэй, держа в руке курительную трубку, позволил уголкам губ изогнуться в двусмысленной, слегка дразнящей улыбке.

Все эти дни, сколько он сам проводил в беседке, ровно столько же Шэнь Фаши прятался за той

самой большой ивой.

Цзи Саньмэй знал об этом, но не подавал вида. Ему нравилось это ощущение — быть объектом чужого внимания. Ведь и он сам когда-то поступал сходным образом.

Тогда, после добровольного отказа от духовного корня, он серьёзно подорвал здоровье и долго не вставал с постели. Шэнь Фаши навещал его редко, ненадолго присаживался и уходил — видимо, всё ещё сердясь на его безрассудство.

Как гласит поговорка: если гора не идёт к Магомеду, Магомед идёт к горе.

Однажды ночью Цзи Саньмэй тихо покинул дом Цзи, обошёл дом Шэня, подумывал постучаться в парадную дверь, но решил, что раз Шэнь Фаши всё ещё в гневе, лучше не лезть на рожон. Вместо этого он уселся прямо у чёрного хода дома Шэней и дал волю воображению, представляя, как Шэнь Фаши спит, и мысленно раздевая его.

В мире своих фантазий он и Шэнь Фаши выпили густого вина для обряда соединения — много, несколько бочек подряд.

Затем Цзи Саньмэй осознал, что даже бесплодные фантазии могут истощить силы, особенно после такого тяжёлого испытания. Его тело было слабым, энергии не хватало. Пережив в воображении бурную сцену, он в изнеможении прислонился к двери и погрузился в дрему.

Возможно, из-за чрезмерно ярких фантазий, потревоживших сознание, даже во сне Цзи Саньмэй не находил покоя.

Ему казалось, что его пожирают.

В прямом, буквальном смысле. Было больно, грубо, дико, с чувством полного обладания и наказания.

От боли он закричал: «Брат Шэнь!» — но в ответ «тот» лишь с ещё большей яростью впился в него зубами.

...Ему почудилось, что это был бешеный пёс.

Проснувшись, он обнаружил себя на кровати Шэнь Фаши. Тот сидел рядом с каменным лицом:

— Почему среди ночи шатаешься не пойми где? Сырость, холод — ещё больше здоровье подорвёшь.

Цзи Саньмэй попытался приподняться, но тело было до того слабым, что даже в костяшках пальцев чувствовалась вялая ломота. Он махнул рукой и остался лежать, растянувшись на постели Шэнь Фаши, но заданный им вопрос, как всегда, бил точно в цель:

— Брат Шэнь, а откуда ты знал, что меня среди ночи не было дома?

Кончики ушей Шэнь Фаши вспыхнули багровым, он отвернулся:

— Заходил проведать. Тебя не было.

Цзи Саньмэй приподнял бровь:

— Я дома тебя так долго ждал, а ты не приходил... Видимо, впредь мне нужно будет почаще

сюда наведываться.

Шэнь Фаши неодобрительно покосился на него:

— Нельзя. И ещё скажи, сколько ты за эти дни накурил?

Цзи Саньмэй невозмутимо ответил:

— Я не курил.

Шэнь Фаши настаивал:

— Курил.

Цзи Саньмэй, перед уходом осушивший с десятков чашек крепкого чая, чтобы перебить запах табака, чувствовал себя неуязвимым.

Он потянул Шэнь Фаши за воротник, легонько коснулся его кончика носа своим и слегка приоткрыл рот:

— ...Не веришь? Понюхай.

Ноги Шэнь Фаши непроизвольно сжались. Он глубоко вдохнул и с ещё большей уверенностью заявил:

— Курил.

Цзи Саньмэй: «...»

Ладно, у этого человека просто собачий нюх.

Он с досадой разжал пальцы:

— Всё из-за брата Чжу. Подарил такую отличную трубку — как тут удержаться, чтобы не затянуться лишний раз?

Шэнь Фаши попал в самую точку:

— В твоём нынешнем состоянии лишняя затяжка может стать последней.

Цзи Саньмэй: «...»

Его шпионская вылазка провалилась на полпути, да ещё он был пойман с поличным тем, за кем следил. Позор и полный провал.

Однако на следующий день, когда он тайком вернулся в дом Цзи, слова Цзи Лючэня немного успокоили его.

Цзи Лючэнь сказал:

— Брат, вчера этот Шэнь вдруг пришёл, сказал, что тебя нет дома, и спрашивал, куда ты ушёл. Я побоялся потревожить твой покой и прогнал его. А он, не пойми с чего, упёрся — мол, тебя нет, и давай обходить все кабаки и увеселительные заведения, всех переполошил.

Лицо Цзи Саньмэя не покраснело, но сердце ёкнуло.

Накануне он оставил в постели куклу, точную свою копию, и поместил в неё частицу живой души — чтобы обмануть Лючэня и сходить погулять. Вернувшись, он собирался подменить куклу собой и лечь обратно в постель.

...Так как же брат Шэнь удостоверился, что его не было дома?

Тайная радость проросла, вылупилась из скорлупы, наполнив грудь сладковатым табачным ароматом. Раскалённый камень превратился в кролика, который принялся биться и прыгать в груди Цзи Саньмэя, подступая к самому горлу и вызывая щемящий зуд.

Размышляя об этом, Цзи Саньмэй снял халат, намереваясь посидеть у пруда с карпами. Но, переодеваясь, он нечаянно задел что-то и резко вскрикнул от боли.

Цзи Лючэнь, прибиравшийся в соседней комнате, услышал звук и вошёл.

Он вскрикнул от испуга:

— Братец, что с твоей шеей?

Медное зеркало беспристрастно отразило тело Цзи Саньмэя: на его фарфорово-белой шее сзади алело кроваво-красное пятно. Оно резало глаз, словно след от раскалённого клейма.

Цзи Саньмэй прикрыл ладонью рану, осторожно ощупывая её контуры. Что-то казалось ему странным.

Цзи Лючэнь, охваченный тревогой, тут же принёс мазь, и, нанося её, невольно обмолвился:

— Как будто тебя собака укусила.

И тогда Цзи Саньмэй вспомнил тот неприятный сон прошлой ночи, но почему-то в нём почудился лёгкий сладковатый привкус.

Вспоминая это сейчас, он снова почувствовал, как камень в груди шевелится.

Но... кто же сделал тогда ту куклу?

Цзи Саньмэй с досадой поскрёб пальцами волосы.

Знакомая, ненасытная пустота вновь возникла.

Его память была полна провалов и рытвин, детали часто ускользали. Что хуже всего, Цзи Саньмэй постепенно начинал привыкать к этому ощущению.

Пока он пребывал в задумчивости, Лун Юнь уже забыла о лысом, но по-прежнему прекрасном Шэнь Фаши и прекрасно поладила с Чанъанем. Их отношения развивались стремительно, и дело уже шло к обряду соединения волос.

Ребёнок и большой ребёнок, каждый держа в руке отрезанную прядь своих волос, решали, как же их лучше переплести.

Чанъань, почесав в затылке, позвал Цзи Саньмэя:

— Младший брат, присоединяйся!

Цзи Саньмэй затянулся из трубки и с улыбкой ответил:

— Играйте сами, без меня. — Тот, с кем он хотел бы совершить обряд соединения волос, сейчас был лысым. Забавно.

Цзи Саньмэй с отеческим снисхождением наблюдал за их игрой в «дочки-матери», покуривая трубку на sidelines.

Но вскоре в игру вмешался управляющий Старина Чжу.

Его лоб блестел от пота. Наклоняясь в поклоне перед Цзи Саньмэем, он растерял несколько тяжёлых капель, которые с глухим стуком упали на рыхлую землю, оставив маленькие ямки:

— Мастер Саньмэй, умоляю, пойдите, взгляните. Маленький господин никак не может успокоиться, всё плачет. Кормилица ничем не может его утешить.

Цзи Саньмэй нахмурился:

— А где ваш господин?

Управляющий Старина Чжу вытер пот рукавом:

— Господин вышел. Говорил, что идёт искать Мастера Луна по важному делу.

<http://bllate.org/book/16281/1466267>